

МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Санкции в международном праве: точка не поставлена

*Малеев Ю.Н.**

*Рачков И.В.***

*Ярышев С.Н.****

О санкциях в международном праве довольно много написано отечественными юристами в начале XXI века¹. И, тем не менее, в связи с последними «санкционными» событиями в международной жизни, сохраняется необходимость дать им дополнительную оценку. Особенно в связи с тем, что они в отношении России носят политический характер, что не скрывают и сами «санкционеры»². Оценки требуют как сама природа и форма соответствующих санкций, так и перспективы их устойчивости в дальнейшем развитии современного международного права, которое нередко называют «новым» во многом под влиянием санкционного механизма.

Ключевые слова: санкционный механизм; международное право; односторонние санкции и контрсанкции; институциональное начало, роль Совета Безопасности ООН, ВТО; отличие «санкций» от ответственности, реторсий, репрессалий, недружественных актов.

Николай Александрович Ушаков, известный специалист в данной области, в свое время (последний раз не так давно — в 2000 году)³ уделил значительное внимание данной теме. Наиболее важные его мысли:

* Малеев Юрий Николаевич — доктор юридических наук, профессор кафедры международного права МГИМО МИД РФ.

** Рачков Илья Витальевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права МГИМО МИД России.

*** Ярышев Сергей Николаевич — доктор юридических наук, Заместитель Генерального директора ОАО «Международный аэропорт Шереметьево».

– Процессуально потерпевшее государство⁴ должно направить государству-правонарушителю⁵ протест. В общем виде этот акт выражает отказ государства признать юридически значимую ситуацию, созданную поведением другого государства, правомерной и квалификацию ее как противоправной. Протест должен быть явно выраженным (обычно в письменной форме) и так или иначе доведен до сведения государства, которому он адресован, возможно, и до сведения других заинтересованных государств;

– В числе таких мер (видов или форм санкций) возможно осуществление сатисфакции, т.е. предоставления потерпевшему государству морально-политического удовлетворения. В частности путем официального выражения сожаления или извинения по поводу совершенного правонарушения, юридического преследования должностных или иных физических лиц, подозреваемых или виновных в совершении правонарушения, а также оказания специальных почестей флагу потерпевшего государства и т.д. Другими мерами восстановления status quo, предшествовавшего правонарушению, будут меры возмещения нанесенного правонарушением материального ущерба в форме реституции и/или репарации;

– Государство-правонарушитель обязано также восстановить действие нарушенных положений международных договоров (двусторонних и многосторонних), участниками которых будут потерпевшее государство и государство-правонарушитель;

– К числу возможных превентивных (штрафных) санкций относятся репрессалии — это закономерные, в соответствии с международным правом, принудительные меры, осуществляемые потерпевшим государством (*сегодня это Россия — авт.*) в отношении государства-правонарушителя с целью побудить его прекратить правонарушение и/или претерпеть те меры международной ответственности, которые закономерно требуют осуществить в данном случае потерпевшее государство;

– В межгосударственных отношениях применяются также *реторсии*, под которыми понимаются меры, обычно предпринимаемые государством в ответ на незапрещенное международным правом, но недружественное поведение другого государства, т.е. в ответ на его поведение, существенно осложняющее поддержание нормальных, «дружественных отношений между нациями» (п. 2 ст. 1 Устава ООН). Реторсии, естественно, не рассматриваются в качестве международных санкций;

– Ясного, в соответствии с действующим международным правом, ответа на вопрос, каким образом третьи государства могут реагировать на совершенное правонарушение, очевидно, не существует. Третьи государства могут, очевидно, во-первых, заявить протест в адрес

государства-правонарушителя, а во-вторых, оказать возможное содействие потерпевшему государству в его усилиях добиться восстановления предшествовавшего правонарушению *status quo*;

– Каково же положение непосредственно потерпевшего в данном случае государства? Очевидно, оно вправе потребовать осуществления тех ответных мер (контрсанкций), которые ранее были обозначены термином «правовосстановительные санкции». В частности, непосредственно потерпевшее государство может потребовать возмещения нанесенного ему материального ущерба, т.е. претендовать на реституции и/или репарации.

В этом плане интерес представляют мысли Мергена Дораева, профессора университета Пенсильванской школы права. Автор снова поднимает вопрос о том, разрешено ли, согласно международного права, введение экономических санкций без решения Совета Безопасности ООН. «В этой своей статье, — пишет он, — на основе краткого анализа эпизодов, относящихся к молчаливому торговому эмбарго в отношении соседних с Россией стран, я доказываю, что в то время как по на политическом и дипломатическом уровнях США и Россия демонстрируют противоположные взгляды в отношении правомерности односторонних экономических санкций, сегодня, в самой сути дела, реальная активность обоих государств имеет тенденцию сделать односторонние санкции признаваемыми как часть международного обычного права»⁶. Показательно и оглавление работы, говорящее о многом:

1. Введение.
2. Торговые ограничения США — Россия: исторический обзор.
 - 2.1. Холодная война.
 - 2.2. От Холодной войны к Холодному миру.
 - 2.3. Акт Магницкого и реакция США на украинский кризис.
3. Правомерность односторонних санкций: споры и оправдание Соединенными Штатами.
 - 3.1. Отсутствие Международно — правовых стандартов для односторонних санкций.
 - 3.1.1. Устав ООН и обычное международное право.
 - 3.1.2. Соответствие принципам ВТО.
 - 3.2. Практика и оправдание Соединенными Штатами односторонних санкций.
4. Подход России к международным экономическим санкциям: улучшения и вызовы.
 - 4.1. Эволюция правовых аргументов *России против односторонних санкций*.

4.2. Законодательство по Специальным экономическим мерам.

4.3. Торговые войны России с соседними странами: торговые эмбарго как инструмент внешней политики.

4.4. Санкции, относящиеся к Украине как Новый — Старый вызов.

4.5. Реализация внешней политики России

5. Заключение.

Согласитесь, что даже простое ознакомление с этим «скучным» материалом оглавления весьма много дает для понимания того, на что настроена американская доктрина (так или иначе формирующая и взгляды политиков в США) в этом проблемном вопросе.

Теперь мысли этого автора по существу:

– экономические санкции США против России в недавние годы могут рассматриваться как возврат эпохи Холодной Войны (что касается санкций против СССР);

– нынешние усилия США и их союзников, направленные на политическую и экономическую изоляцию России, оживили традиционные дебаты между «старыми антагонистами» в вопросе о правомерности разрывания экономических санкций без их международно-правового одобрения Советом Безопасности ООН;

– в контексте 70-летней истории почти постоянных экономических ограничений, налагаемых на Советский Союз и, позднее, на постсоветскую Россию, едва ли стоит удивляться, что Россия никогда не изменяла свою традиционную позицию относительно противоправности «односторонних» санкций, вводимых без явно выраженного одобрения Советом Безопасности. Она даже объединила свои усилия с Китаем и другими членами Совета Безопасности с целью использовать veto в отношении большинства санкций, инициированных США против неугодных (*rogue* — англ.) стран;

– современная Россия также использует безусловное торговое эмбарго как инструмент своей внешней политики в отношениях со своими торговыми партнерами (включая приграничные государства). Более того, немедленно после объявления о создании единого рынка в Евразийском Экономическом Союзе Россия стала давить на Беларусь и Казахстан, чтоб они следовали ее политике по торговым ограничениям против третьих стран⁷.

Основная мишень западных санкций — политическая власть в России. Точнее, её «центр, который принимает решения», с надеждой повлиять на его политическую волю и добиться изменений выбранного курса. Об этом заявил министр финансов США Джейк Лью⁸. Однако этим планам Вашингтона не суждено было сбыться, несмотря на урон,

нанесенный экономике России. Глава финансового ведомства США полагает, что полностью отказываться от санкций рано, несмотря на то, что они уже существенно замедлили рост экономики США, нужно искать «обходные пути».

Лью полагает, что США могут и ослабить удавку санкций, если оппоненты станут стоворчивее. Министр предлагает снимать санкции в отношении тех стран, которые меняют свою политику. В качестве примера он привел Иран, давление на который ослабло вслед за принятыми Тегераном ограничениями своей ядерной программы.

То есть, по логике Вашингтона, России предлагается согласиться с США, изменить свои политические взгляды, и США «сделает вам хорошо». Однако при этом США забывают, что потерпевшей стороной в данной ситуации постепенно становятся и они, а не только те, против кого всё было затеяно. И диктовать свои требования в нынешних условиях, по меньшей мере, невыгодно⁹.

Кроме того, приближается 31 июля 2016 года, дата, до которой Совет ЕС 21 декабря 2015 г. продлил санкции в отношении России. (Ранее ЕС продлевал антироссийские санкции до 31 января 2016 года). Причиной такого продления названо отсутствие подвижек в выполнении минских соглашений по Украине.

Тот же «украинский мотив» звучит в заявлении МИД Канады, сделанном 29 марта 2016 года, когда Министр иностранных дел страны Стефан Дион призвал сохранить или даже ужесточить санкции, введенные против России из-за ситуации на Украине. А ЕС 18 марта 2016 года официально обратился к странам, входящим в ООН, с призывом ввести экономические санкции против России. ЕС игнорирует факт государственного переворота в Киеве в 2014 г., считает воссоединение Крыма с РФ «аннексией». И не только «обратился с призывом», а ввел новый пакет санкций против России.

На этом фоне весьма одиноко звучат заявления, типа того, которое сделали власти Сербии 3 марта 2016 года: «Мы никогда не поддержим санкции против России».

Наметившаяся в ЕС тенденция и других его отдельных членов отказаться от санкций против России (что можно пока что назвать «настроениями») пока что не меняет ситуации.

Так что напряженная обстановка в данном вопросе сохраняется и требует объективной оценки с международно-правовых позиций.

Непреренно следует уяснить значение понятия «санкции», которое в международном праве нередко используется для обозначения меры международно-правовой ответственности государства, нарушившего

свои международно-правовые обязательства. Такие санкции, или «контрмеры» в терминологии Комиссии международного права ООН, состоят в принятии мер, которые в обычной ситуации противоречили бы обязательствам вводящего их государства, но, тем не менее, правомерны в свете того, что являются ответом на правонарушение. Но здесь есть свои особенности.

Многие привыкли к тому, что контрмеры следует оценивать в свете норм международного права об ответственности за противоправные деяния. Но при этом не учитывается, что они:

- осуществляются потерпевшим государством;
- осуществляются против государства-нарушителя;
- могут осуществляться только после отказа государства — нарушителя выполнить обязательства, вытекающие из правонарушения (восстановление прежней ситуации, выплата компенсации, официальные извинения и т. д.);
- единственной целью контрмер может быть побуждение государства — нарушителя к выполнению указанных обязательств;
- должны быть соразмерны нарушению;
- не могут нарушать императивные нормы международного права (важнейшие нормы гуманитарного права: право на самоопределение; нормы, запрещающие угрозу силой или ее применение, геноцид, рабство, расовую дискриминацию, преступления против человечности, пытки и т. п.);
- должны прекращаться при прекращении противоправного деяния или при передаче дела в международный судебный орган или иную структуру по разрешению споров.

Соответственно неправомерными будут контрмеры, которые:

- осуществляются государством иным, нежели потерпевшее государство;
- нарушают обязательства не только перед государством — нарушителем, но и перед третьими государствами¹⁰;
- осуществляются преждевременно: до надлежащего призвания государства-нарушителя к ответственности и/или без надлежащего предупреждения; это также не вполне применимо к России: западные государства неоднократно призывали Россию к прекращению действий, нарушающих «суверенитет Украины» (новой, после переворота в Киеве в 2014 г.), и вводили санкции лишь после того, как, по их мнению, Россия не хотела следовать этим призывам;
- носят карательный характер;
- несоразмерны нарушению;

– осуществляются в нарушение императивных норм международного права;

– продолжают после прекращения противоправного деяния или после передачи дела в орган по разрешению споров. Здесь позиция России и других стран расходятся по той причине, что Россия не считает неправомерным воссоединение Крыма с Россией, а страны, введшие санкции в отношении России, полагают: Россия не считает себя участницей конфликта в Донбассе, а называет его скорее гражданской войной, а западные страны — считают Россию участницей конфликта, и требуют по этой причине прекратить противоправные деяния — поддержку «сепаратистов» в Донбассе, оказать на них давление с целью выполнения минских договоренностей¹¹.

Нередко государства принимают в отношении других государств меры «санкционного характера», по сути, являющиеся недружественными актами. В современной ситуации «общепонятным» в данном случае явится, по-видимому, пример с санкциями США против Белоруссии, основаниями для которых явился «Закон о демократии в Белоруссии» 2004 г.: нарушения прав человека, фальсификация президентских и парламентских выборов, отказ расследовать случаи исчезновения лидеров оппозиции, запугивание и лишение свободы активистов оппозиции и т. д. Собственно санкции здесь следующие: запрет на въезд в США высших должностных лиц Белоруссии; запрет финансирования и кредитования правительства Белоруссии бюджетом США; блокирование активов правительства Белоруссии в США; запрет сделок физических и юридических лиц с правительственными структурами Белоруссии; снижение уровня дипломатического представительства.

Весьма показательно, что санкции введены до тех пор, пока Президент США не констатирует, что правительство Белоруссии достигло значительного прогресса в освобождении политических заключенных, расследований исчезновений оппозиционеров, прекращении запугивания активистов, привлечении к ответственности виновных в фальсификации выборов, проведении свободных выборов и т. д.

Согласно публикации от 29 октября 2015 года, США заморозили санкции против Белоруссии. Точнее, против ряда белорусских компаний («Белорусьнефть», «Белнефтехим» и ее филиал в США (Belneftekhim USA), «Белшина», «Гродно Азот», «Гродно Химволокно», «Лакокраска», ОАО «Нафтан», «Полоцк Стекловолокно»). Разрешены лишь определенные транзакции.

Евросоюз, как известно, поступил аналогичным образом. Он на четыре месяца приостановил действие своих санкций против 170 физических

и трех юридических лиц из Белоруссии. Некоторый прогресс (в том числе в отношении Президента Белоруссии), всем известный, в данной ситуации есть.

Чрезвычайно показательно следующее заявление Совета ЕС: «Евросоюз продолжит пристально наблюдать за ситуацией с демократией и соблюдением прав человека в Белоруссии»¹². Показательно в контексте «общепризнанного» принципа невмешательства во внутренние дела государств.

Определенное обоснование противоправности подобных санкций было в свое время выработано, кроме прочего, Генеральной Ассамблеей ООН, в контексте санкций США против Кубы, когда ГА ООН отвергла «все попытки введения односторонних принудительных мер»¹³.

Авторитет Генеральной Ассамблеи ООН весьма высок, но перспективы оспаривания «односторонних санкций», например, в Международном Суде ООН, «весьма туманны». Более перспективным считается рассмотрение отдельных элементов таких санкций в свете национальной правовой системы государства, вводящего санкции, а также в контексте автономных международно-правовых режимов (ВТО, ЕКПЧ — Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, и т. п.).

Уже выработаны критерии, определяющие правомерность односторонних контрмер. Их, можно отнести и к правомерным «односторонним контр — санкциям», которые должны:

- осуществляться государством, потерпевшим от недружественной политики другого государства, против такого другого государства;
- осуществляться только после отказа государства-адресата прекратить свою недружественную политику;
- иметь единственной целью побуждение государства-адресата к прекращению недружественной политики;
- быть соразмерными недружественному жесту государства-адресата;
- не могут нарушать основополагающие нормы международного общения;
- должны прекращаться при прекращении недружественных шагов государства-адресата или при начале переговоров по урегулированию ситуации.

И наоборот, санкции будут заслуживать критики, и требование об их отмене будет обоснованно, если они:

- вводятся государством, не страдавшим от недружественной политики государства-адресата;
- приводят к негативным последствиям для третьих государств;
- носят карательный характер;

- явно несоразмерны вызвавшему их недружественному акту;
- идут вразрез с ключевыми нормами международных отношений;
- продолжают, несмотря на прекращение недружественной политики государства-адресата или на начало переговоров.

Особое внимание «односторонние санкции» получили в связи с открывшейся возможностью считать их дополнением к санкциям СБ ООН, не только вводить их в соответствии с главой VII Устава ООН, т. е. по тем же основаниям, по которым введены санкции Совета Безопасности ООН, но и за установленные пределы последних (их перечня и объема). Иными словами, «дополнять» решение СБ новыми санкциями. Как представляется, такой подход, по меньшей мере, спорен, и убедительно звучат аргументы о том, что Устав ООН даёт основание требовать от государств — членов ООН выполнения принятых решением СБ ООН в отношении санкций на основании главы VII именно в том объеме и перечне, которые указаны в соответствующей резолюции СБ.

В правовой доктрине сложились соответствующие выводы, с которыми мы согласны:

1. Современное международное право не содержит норм, которые прямо запрещали бы применение государством (группой государств, международной организацией) односторонних невоенных принудительных мер в отношении другого государства (не члена организации).

2. Правомерность подобных мер следует оценивать в контексте специальных норм международного права, под действие которых такие меры могут подпадать (имеются в виду нормы, предусмотренные конкретными международными договорами).

3. Если односторонние меры являются формой реагирования в контексте осуществления международно-правовой ответственности государства — адресата мер, то к ним применимы критерии правомерности контрмер, предусмотренные нормами международного права об ответственности государств за международно-противоправные деяния.

4. Меры, принимаемые без привязки к международно-правовой ответственности, можно оспаривать как с позиций их допустимости в качестве реторсий или репрессалий, так и с точки зрения норм, действующих в рамках автономных правовых режимов. Например, многосторонних торговых режимов (ВТО, ЕС, НАФТА — Северо-Американское соглашение о свободной торговле, и т. п.), систем защиты прав человека (ЕКПЧ, межамериканская система и т. п.), а также в рамках двусторонних отношений между соответствующими странами (соглашения о свободе судоходства, гарантийные обязательства в сфере разоружения и т. п.)

5. При необходимости для оспаривания таких мер можно опираться на аргументацию Генассамблеи ООН, в частности, в контексте санкций США против Кубы с учетом имеющегося потенциала повышения юридической значимости этой аргументации¹⁴.

И все-таки не поставлена точка в вопросе: с чем мы имеем дело в каждом конкретном случае. Т.е. что такое санкции, в чем их отличие от реторсий, эмбарго, репрессалий, недружественных актов и т.п.?

Важный аспект: существует ли обязанность помогать потерпевшему? Как провести различие между правом применять санкции и обязанностью это делать?

Споры идут. Иногда весьма бурные и далеко не всегда вызванные стремлением установить истину. Только в одном бомбоубежище Аль-Альмерия погубило более 400 человек. Хотя это было бомбоубежище, две ракеты влетели в вентиляционные отверстия внутрь, взорвались, температура поднялась до более 1000 градусов — там даже останков не осталось! Как в Хиросиме, были только тени на стене. Само по себе перед нами международное преступление.

Возникает вопрос: а не является ли «санкционизация» межгосударственных отношений свидетельством нарождающегося «нового международного права»? Трудно сказать. Но допустимо воспринимать указанную «санкционизацию» в плане повторяемых в странах Запада утверждений о вероятности возникновения до 2025 года крупных войн, в том числе, направленных на «сдерживание» России и обеспечение беспрепятственного доступа к энергетическим, водным и другим природным ресурсам.

Тенденция отмечена не без оснований, а факторы, провоцирующие ее, известны:

- Исчезновение биполярной системы мира после распада СССР;
- Резкое усиление силового начала в международных отношениях;
- Информационная глобализация на основе Интернета;
- Активная экономическая интеграция;
- Возрастание глобального, ресурсного, в первую очередь, энергетического фактора;
- Всплеск цивилизационного противостояния;
- Утрата ООН решающей роли в вопросах обеспечения международного мира и безопасности (переход ее к региональным и иным объединениям государств).

В последние годы все большим вниманием пользуется концепция так называемого «Транснационального права» (ТНП). Профессор Шумилов В. М. дает такое определение: «Транснациональное право — условное

обозначение некоего институционального правового явления в международной системе, суть которого состоит в том, что частные лица (многонациональные предприятия, банки, биржи) разных стран создают на двустороннем и многостороннем уровнях свои собственные нормы взаимодействия»¹⁵.

Круг вопросов, подлежащих регулированию в рамках ТНП, не ограничивается экономической проблематикой и частноправовой сферой. Налицо возникающий «конфликт интересов» между крупным международным частным капиталом (вернее, созданными им собственными нормами взаимоотношений) и принятыми нормами и правилами межгосударственных отношений, основанных на принципах и нормах международного права.

В мире существует множество примеров экономических объединений и союзов с апробированным механизмом управления (наднациональные институциональные структуры), однако это не исключает существование и активное применение такого инструмента, как «Санкции», причем не только со стороны одной страны в адрес другой, а целых экономических объединений в адрес одной или нескольких стран. Как правило, эти санкции распространяются на экономическую сферу взаимоотношений государств, но обладают явно выраженной политической подосновой. Инициатива в применении санкций (как и сами санкции) к тем или иным государствам исходит от развитых, экономически сильных стран, прежде всего — США.

При этом неизбежно возникает необходимость оценки действия известной концепции международного управления. Как представляется, в настоящее время выстраивается, пока что, в основном, кризисное (антикризисное) «управление»¹⁶, которое может быть эффективным лишь в рамках институционального механизма (хотя бы временного).

Совершенствование международного управления давно существующих или вновь создаваемых экономических объединений и союзов, стимулируемое «санкционизацией» различных сфер международных отношений, расширение «коллективной», институциональной компетенции — объективный процесс, который не может не учитываться разработчиками «нового международного права».

«Международное управление» часто расценивают как новеллу в международном праве, исходя из того, что еще относительно недавно (1958 г.) соответствующие нормы не были предусмотрены, в частности, ни в одной из четырех Женевских конвенций 1958 года по морскому праву: об открытом море; о территориальных водах и прилегающей зоне; о континентальном шельфе; о рыболовстве и охране живых ресурсов открытого

моря¹⁷. (Этот «ресурсный» аспект, что наблюдается в последние годы, оказывает наибольшее влияние на международные отношения в силу ресурсного голода, прежде всего, в сфере энергетики¹⁸).

В этом плане заслуживают внимания следующие оценки: «В сфере международных экономических отношений происходит перераспределение предметов ведения между государствами и международными организациями в пользу последних»¹⁹. Если мы это признаем, то «в пользу последних» (не только Совета Безопасности ООН и ВТО) должно «перераспределяться» и право принятия решений о введении рассматриваемых санкций. Этому, как известно, активно сопротивляются многие государства.

Следует также особо подчеркнуть полезный (хотя и не вполне успешный) опыт создания Единого Экономического Пространства (ЕЭП), без реального достижения которого (лучше — в рамках регионального характера) не удастся обеспечить отсутствие условий для возникновения «санкций» в разном их понимании и определении²⁰.

Наконец, в контексте данной статьи, учитывая возрастающее практическое значение темы «отмены ограничительных мер» и их исключения из соответствующих европейских списков в Суде ЕС (СЕС) (*читай — института обжалования*), приводим, в качестве справочного материала, выдержки из статьи одного из отечественных авторов (с его согласия):

– решение Совета в рамках общей внешней политики и политики безопасности (CFSP) является законным и правомерным до тех пор, пока в СЕС не будет доказано иное.

– практика СЕС развивается с учетом практики ЕСПЧ.

– обжалование в СЕС акта ЕС в отношении определенного лица и возможность отмены такого акта — это форма судебного контроля над актами институтов ЕС.

– акты ЕС, изданные в соответствии с резолюциями Совета Безопасности ООН, уже не пользуются иммунитетом от судебного контроля в случаях, если установлено нарушение прав человека, как они закреплены в Хартии ЕС об основных правах и в ЕКПЧ.

– если каких-то пять лет назад случаи успешного обжалования включения в европейские санкционные списки были редкостью, то сегодня заметна всевозрастающая тенденция по исключению заинтересованных лиц из соответствующих списков ЕС в СЕС;

– нарушение *европейского понимания*²¹ одного из вышеуказанных принципов влечет для государства введение ограничительных мер в отношении его физических или юридических лиц. В настоящее время в связи

с санкциями ЕС упоминаются 36 государств, а соседями РФ в списке ЕС являются КНДР и Сербия с Черногорией;

– под «*третьим государством*», как адресатом санкций ЕС, понимаются правители такого государства, а также лица и организации, связанные или находящиеся прямо или косвенно под контролем правителей. Для того, чтобы считаться связанными с правителями такого государства, должна существовать достаточная связь между затронутыми лицами и правящим в данном государстве режимом;

– современное европейское право разрешает Совету ЕС принимать ограничительные меры в отношении любых государств, а не только членов ЕС;

– факт добровольного исключения лица Советом из санкционных списков ЕС не является основанием для прекращения производства по делу в СЕС и освобождения института ЕС от ответственности;

– в европейском праве ограничительных мер начал формироваться принцип неприменения срока давности к действиям и правонарушениям, ставшим основаниями включения в *санкционные списки*;

– стратегия по коллективному обжалованию акта ЕС потерпела фиаско. Также провалилась пассивная стратегия, выразившаяся в попытке полностью *переложить на Совет ЕС бремя доказывания* мотивов и обоснованности внесения того или иного лица в список и по формальным основаниям недоказанности/неверной квалификации выиграть дело;

– *право обжалования ограничительных мер* развивается в сторону *презумпции необоснованности включения лица в акт ЕС, пока Совет ЕС не докажет обратное*²².

Sanctions in International Law. No point (Summary)

*Yury N. Maleev**

*Ilya V. Rachkov***

*Sergey N. Yaryshev****

A lot of publications, devoted to international sanctions, appeared at the beginning of XXI century. Still, in connection with the recent “sanction events” in the international life, it is necessary to devote them the additional judgment, point of view. Especially because in respect to Russia they are of political nature, which is underlined by the “sanctionaries” themselves. The judged should be both the nature and the form of corresponding sanctions as well as perspectives of their stability in the future development of contemporary international law, which is often named “new” in a certain respect under the influence of the sanction mechanism discussed.

Keywords: sanction mechanism; international law; one-sided sanctions and counter sanctions; institutional base, the role of the UN Security Council, WTO; difference between “sanctions” and responsibility, retorts, repressions, unfriendly acts.

¹ См., например: Рачков И. В. Экономические санкции с точки зрения права ГАТТ/ВТО // *Международное правосудие*. — 2014. — N3. — С. 91–113; Гриб В. В., Егорова М. А. Правовые основания одностороннего введения экономических санкций в условиях действия законодательства ВТО // *Юридический мир*. — 2014. — N12. — С. 48–55; Калинин А. В. Экономические санкции ООН и односторонние экстратерриториальные меры экономического принуждения: сравнительный анализ // *«Юрист-международник»*. — 2005. — № 4. — С. 30–37; Кешнер М. В. Экономические санкции ООН: тенденции развития форм осуществления // *Международное право и международные организации*. — 2015. — N2. — С. 139–146; Кешнер М. В. Верховенство права и применение международных санкций // *Московский журнал международного права*. — 2013. — № 4 (92). — С. 56–69; Гландин С. В. Суд Европейского союза о правовых основаниях для отмены ограничительных мер (санкций) в отношении физических лиц // *Международное правосудие*. — 2015. — N4. — С. 103–117; сборник «Санкции и риторсии России в отношении стран Запада» // *ВРЕМЯ ЮРИСТА*, № 1(68) январь 2016.

* Yury N. Maleev — Doctor of Laws, Professor, professor of the Chair of International Law, MGIMO-University MFA Russia.

** Ilya V. Rachkov — Ph.D in Law, adjunct professor of the Chair of International Law, MGIMO-University MFA Russia.

*** Sergey N. Yaryshev — Doctor of Laws, Vice General Director of the Company “International Airport Sheremetyevo”.

² См. далее: Mergen Doraev. The “Memory Effect” of Economic Sanctions Against Russia: opposing approaches to the legality of unilateral sanctions clash again. — Published by Penn Law: Legal Scholarship Repository, 356 U. Pa. J. Int’l L. (2015). Vol. 37:1. В данной статье дана оценка этой «политической составляющей» рассматриваемых санкций.

³ Ушаков Н. А. *Международное право*. Учебник. 2000 — М. Юристъ. — пар. 6 «Международно-правовые санкции».

⁴ В нашем случае это Россия.

⁵ В нашем случае это США и коллектив государств, входящих в ЕС.

⁶ Mergen Doraev. Op. cit. P. 355–356.

⁷ See, e.g., Belarus, Kazakhstan Oppose Ukraine Import Restrictions // THE MOSCOW TIMES, June 30, 2014. Автор ссылается также на запрет Россией ввоза товаров из Польши (2005 г), Молдовы (2005 г), Грузии (2006 г), Украины (2006 г), Латвии (2006 г) и т. д. Мы не намерены давать оценку такой информации. Просто знакомим читателя с тем, что публикуют западные источники, «формируя точки зрения».

⁸ См.: Джейк Лью. Минфин США доволен антироссийскими санкциями // ВЕСТИ. RU. 30 марта 2016 г.

⁹ См.: Александр Левитин. США признались в истинных причинах антироссийских санкций // ГОСНОВОСТИ. 30 марта 2016 г.

¹⁰ Правда, ЕС и США считают, что на России лежит обязательство ergo omnes, что касается суверенитета Украины над Крымом (включая Севастополь) и Донбассом, поэтому, если Росси нарушает это обязательство, то она тем самым нарушает свои обязательства не только перед Украиной, но и перед мировым сообществом в целом. Которое и считается в этом случае «потерпевшим».

¹¹ О международно-правовых оценках государственного переворота в Киеве 2014 г. и последовавшего затем территориального раскола Украины см.: Воронин Е. Р., Кулебякин В. Н., Николаев А. Н. Государственный переворот в Киеве в феврале 2014 г.: международно-правовые оценки и последствия // *Московский журнал международного права*. — № 1. — 2015. — С. 11–28.

¹² <http://www.newsru.com/world/29oct2015/belarus.html>

¹³ На пленарном заседании 60-й сессии ГА ООН подавляющим большинством голосов принята резолюция, осуждающая экономическое, торговое и финансовое эмбарго США против Кубы и требующая его отмены // *Российская газета*, 11 ноября 2005.

¹⁴ См. сноску¹¹ выше: *Российская газета*, 11 ноября 2005.

¹⁵ Шумилов В. М. *Словарь внешнеэкономических терминов* // *Российский внешнеэкономический вестник*. — 2008. — № 4. — С. 73–74.

¹⁶ Лебедева М. М. Изменение политической структуры мира на рубеже веков. — С. 10.

¹⁷ Вылегжанин А. Н., Зиланов В. К. *Международно-правовые основы управления морскими живыми ресурсами*. — М.: Экономика, 2000. — С. 12–13.

¹⁸ Фишер С., Дормбуш Р., Шалензи Р. *Экономика*. — М., 1998. — С. 659–660.

¹⁹ Воронцова Н. А. *Правовые основы становления и функционирования международного механизма интеграционных процессов в Евразийском экономическом сообществе*. Автореферат дисс. доктора юр. наук. Москва МГИМО (У). — 2002. — С. 16.

²⁰ Подробнее см.: Ярышев С. Н. *Единое экономическое пространство в системе международного экономического права*. — Монография. — М.: Издательский дом Юрис Пруденс, 2010; Лабин Д. К. *Международно-правовое обеспечение мирового экономического порядка*. — М., 2004.

²¹ Как понимать «европейское понимание»?

²² Гландин С. Исключение из санкционных списков в Суде ЕС. Опыт «союзников» России // *Legal Insight*. — № 10 (46). — 2015.